

Книжное обозрение

Book Reviews

DOI: 10.31857/S020596060000000-2

ДМИТРИЕВ И. С., КУЗНЕЦОВА Н. И. АКАДЕМИЯ БЛАГИХ НАДЕЖД. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2019. 448 с. (СЕРИЯ «ИСТОРИЯ НАУКИ»). ISBN 978-5-4448-1114-6

КРИВОШЕИНА Галина Геннадьевна — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E mail: krivosheina@gmail.com

Предлагаемая вниманию читателей книга «Академия благих надежд» посвящена истории создания Петербургской академии наук и тому, как она жила на протяжении XVIII в. и как встраивалась в российскую действительность. Казалось бы, что нового можно сказать на эту тему, ведь об истории Академии наук написаны сотни, если не тысячи, книг и статей. И тем не менее авторам данной книги это удалось. В хорошо известных публикациях, многие из которых уже давно стали классическими, они смогли увидеть нечто новое и представить на суд читателей свою, достаточно оригинальную и увлекательную, версию событий, которая не только позволяет посмотреть на раннюю историю Академии наук с непривычной точки зрения, но и заставляет задуматься. Задуматься о живучести исторических мифов и о судьбах культурных героев и антигероев российской науки;

о взаимоотношении науки и власти в России и о многом другом.

Авторы книги — известные специалисты в области истории и философии науки доктор химических наук, профессор СПбГУ Игорь Сергеевич Дмитриев и доктор философских наук, профессор РГГУ Наталия Ивановна Кузнецова. Книга вышла в серии «История науки» издательства НЛО. Для Дмитриева это уже вторая публикация в данной серии — в 2015 г. здесь же был издан его «Упрямый Галилей»¹. Надо сказать, что упомянутая серия неоднократно радовала историков науки такими интересными изданиями, как «Закат немецких мандаринов» Фрица Рингера², «Лаборатория империи»

¹ Дмитриев И. С. Упрямый Галилей. М.: НЛО, 2015.

² Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии, 1890–1993. М.: НЛО, 2008.

Жюльет Кадио ³, «Собственный Восток России» Веры Тольц ⁴, «Роль ученого в обществе» Джозефа Бен-Дэвида ⁵ и др., и рецензируемая книга является достойным пополнением этого списка.

«Академия благих надежд» составлена из двух частей: «*Nic tuta perennat?*» ⁶ Петербургская академия наук в XVIII веке» (автор — Дмитриев) и «Петр-сталкер и формирование российской науки» (автор — Кузнецова). По существу, это два самостоятельных произведения, объединенных одной темой, но заметно различающихся по методологическим подходам и эмоциональной тональности. В первом основное внимание сконцентрировано на исторической фабуле, на анализе и сопоставлении фактов и событий, связанных с созданием и первыми десятилетиями существования Академии наук; во втором ее ранняя история рассматривается с более общих философских, социологических и культурологических позиций. Первая эмоционально нейтральна, хотя не без некоторого налета сарказма; вторая полна превосходных степеней и оптимистических оценок, по-видимому, необходимых для того, чтобы сгладить острые углы

первой части и сделать книгу более приемлемой для сторонников традиционных подходов к истории науки в России.

Эти параллельные нарративы, соединяясь и отчасти повторяя друг друга, создают объемную, многомерную и динамичную историческую картину, давая читателю возможность под новым углом зрения увидеть многие события, связанные с основанием Академии наук, в их взаимосвязи с культурной и социальной жизнью страны, по-новому взглянуть на роль и место ряда знаковых для российской науки фигур и, может быть, если повезет, переосмыслить ряд шаблонных представлений о том, зачем и как создавалась Академия — «высшее ученое учреждение в массово неграмотной стране» (с. 336).

Сразу хочу предупредить, что у ригористов и строгих ревнителей академического стиля текст книги может вызвать неприятие — слишком много в нем нестандартных сравнений и образов («Петр-сталкер», «стрельчатое окно в курной избе» и др.). Но такой прием позволяет авторам сделать их идеи более запоминающимися и понятными и создать яркие картины и образы (надо помнить, что книга рассчитана не только на узких специалистов, но и на широкий круг читателей). К чести авторов, это сделано не в ущерб исторической достоверности (как это нередко случается в научно-популярной литературе) — к анализу и трактовке исторических фактов они подходят профессионально и академично.

³ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: НЛО, 2010.

⁴ Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднейимперский и ранне-советский период. М.: НЛО, 2013.

⁵ Бен-Дэвид Дж. Роль ученого в обществе. М.: НЛО, 2014.

⁶ «Здесь безопасно пребывает» (лат.) — девиз, выгравированный на первой печати Академии наук.

История Академии наук до сих пор порождает неутраченные споры среди специалистов, а оценки проекта Петра I по «введению наук» варьируют от восторженно восхищенных до резко отрицательных. Рецензируемая книга в этом отношении не является исключением. Ее авторы также далеко не всегда сходятся в своих оценках значимости феномена Академии наук в целом и роли отдельных акторов и событий.

Начнем с того, что Дмитриев, объясняя свой интерес к ранней истории Академии наук, утверждает, что «принципы, положенные Петром I в основу организации Академии наук, определили те “особости” ее судьбы, которые в итоге стали ее историческими традициями», а «происходящее в отечественной науке и образовании в XXI веке в некоторых отношениях аналогично (разумеется, не по своим конкретным проявлениям, но по некоторому структурному сущностному сходству) тому, что происходило с Академией в первые 70 лет ее истории» (с. 7–8). В подкрепление своей мысли он приводит слова В. И. Вернадского, произнесенные более века тому назад и, по мнению автора, не потерявшие своей актуальности и поныне: «...русским ученым приходится совершать свою национальную работу в самой неблагоприятной обстановке: в борьбе за возможность научной работы» (там же). Кузнецова, полемизируя с Дмитриевым, напротив, считает «недоразумением» и «наивной картинкой» идею, что «непродуманный исходный проект

организации научных исследований XVIII столетия породил кризис РАН в XXI в.» (с. 338). С ней можно было бы отчасти согласиться (собственно, и Дмитриев не говорит о прямой связи событий XVIII и XXI вв.), если бы она хотя бы как-то обосновала свою позицию (цитата из С. О. Шмидта в данном случае не убеждает). В результате так и остается непонятным, чем же, по мнению Кузнецовой, так плох «эффект колеи» применительно к историко-научному нарративу.

В первой части книги подробно и увлекательно описывается, как идея «насаждения наук и искусств» в России обрела свое институциональное воплощение в форме Академии наук и какое участие в этом процессе принимали выдающийся немецкий философ-энциклопедист Г. В. Лейбниц, известный немецкий натурфилософ Х. Вольф, будущий первый президент Академии Л. Л. Блюментрост и др. Лейбница часто называют «духовным отцом» академии. Однако Дмитриев, основываясь на сопоставлении записок, которые Лейбниц готовил для Петра, с «Генеральным проектом об Академии», составленным в январе 1724 г., показывает, что Петр оставил без внимания идейную и социальную составляющие проекта немецкого ученого, такие как достижение общего блага, усовершенствование людей, формирование научной культуры и др. и отказался от создания полноценного университета (на чем настаивали и Лейбниц, и Вольф), позаимствовав из проекта лишь внешнюю

атрибутику (приглашенные иностранные ученые, музей, библиотека, обсерватория и пр.). В результате автор приходит к выводу, что Лейбниц, скорее, играл роль крестного, благословившего Петра на создание академии, а сам проект академии был ориентирован на западное общество и имел чисто имиджевую цель обретения «чести и достоинства» в Европе.

Кузнецова, соглашаясь с Дмитриевым относительно роли Лейбница, мотивы Петра трактует иначе, формулируя их от противного. С ее точки зрения, Петр, осознавая всемирно-историческое значение процесса Просвещения и провиденциальный ход всемирной истории, *«просто не мог* (курсив мой. — Г. К.) *исходить из того, что Россия, создавая Академию наук, будет просто учиться у западных профессоров, что развитие российского просвещения — это только прилежное усвоение, повторение достигнутого, а не дерзновенный путь вперед, к новым горизонтам знаний и изобретений, принадлежащих всему цивилизованному миру, но служащих также бессмертной славе Отечества»* (с. 358). Но здесь уже дело за читателем решать, какая точка зрения будет ему ближе и покажется более обоснованной. Авторы предоставляют ему богатую почву для размышлений и собственных выводов.

Дмитриев в своем разделе большое внимание уделяет фигуре М. В. Ломоносова, его личностным качествам, литературным талантам и анализу некоторых мифов, связанных с его научными достижениями. За развенчание

этих мифов и критику личностных качеств национального культурного героя автора не раз резко критиковали. Однако мне его позиция кажется взвешенной и обоснованной. Кратко подытожить ее можно словами самого Дмитриева: «Стране нужны были люди, способные строить фундамент новой культуры. И в этом заслуги Ломоносова столь велики, что вовсе нет никакой необходимости искусственно делать его еще и великим физиком или химиком [...] Да, если говорить о Ломоносове-ученом, то надо честно признать — в области естествознания его достижения выглядят весьма скромно, а его идеи либо не новы, либо спекулятивны [...] Однако тот факт, что славного Михайло Ломоносова многие мнения были ложны, нисколько не умаляет другого, более важного для России того времени факта: он не только был первым российским химиком, построившим первую в стране научно-учебную Химическую лабораторию, но и, используя все доступные ему средства [...] приобщал российское общество к ценностям науки» (с. 293–294). Примерно так же оценивает Ломоносова и Кузнецова, тем не менее она уходит от прямого ответа на вопрос о значимости естественно-научных трудов Ломоносова и не считает целесообразным сравнивать их с трудами его европейских современников, полагая, что здесь не может быть единой базы для исторического сравнения из-за различающихся культурно-исторических условий.

Еще одна важная тема, присутствующая в книге, — взаимоотношение науки и власти, становление методов и способов бюрократического регулирования научной деятельности. В этом смысле рецензируемая книга оказывается удивительно современной, несмотря на то, что речь в ней идет о достаточно отдаленной эпохе. Авторы иногда невольно, а иногда вполне осознанно подводят читателя к главному вопросу: чем, собственно, отличается (и отличается ли вообще) отношение к науке современной российской власти от того, что было в XVIII в., и что можно сделать, чтобы отечественная наука нормально и плодотворно развивалась. В общем, есть над чем подумать.

Но рецензия есть рецензия, и без замечаний в ней обойтись нельзя. В данном случае мои замечания касаются не содержания, а, скорее, технической стороны подачи материала. Первое. Я не очень понимаю, зачем после имени ученого нужно было в скобках давать его оригинальное написание. Поскольку люди это в основном известные, то никакой дополнительной информации ни для специалистов, ни тем более для широкой публики это

не несет, а чтение текста затрудняет. Второе. В тексте много мелких иноязычных вставок, и в большинстве случаев их использование вполне оправданно, так как это термины и словосочетания, не имеющие общепринятого русского перевода (например, *entrepreneurial university*, *enterprising university* и др.). Но в случае *Fleet Street*, *Crane Court*, *Great Fire* (с. 50) и некоторых других в русском языке уже давно существуют устоявшиеся варианты: Флит-стрит, Крейн-корт, Большой пожар. Еще хуже, когда в этих вставках присутствуют ошибки и неточности. Так, на с. 338 «эффект колеи» переведен как *path-dependence problem*, хотя *problem* здесь явно лишнее (оно попало сюда из английского перевода названия доклада А. Аузана). Я совсем не против использования иностранных слов, в наше время без них трудно обойтись, но делать это надо разумно.

Эти мелкие технические недочеты никак не повлияли на мое восприятие книги, которая, я повторюсь, показалась мне очень интересной, и я могла бы еще долго говорить о ней. Но лучше ее просто прочитать. Поверьте, она вас не разочарует.